

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9-167-179>

<https://elibrary.ru/MGQHZY>

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ОБРАЗ РУССКОГО ПАСТЫРЯ В РАССКАЗЕ М.М. ПРИШВИНА «СПАС-ЧЕКРЯК»

© 2024 г. И.С. Урюпин

Аннотация: В статье в широком историко-культурном и религиозно-философском контексте рассматривается рассказ М.М. Пришвина «Спас-Чекряк», открывающий прозаический цикл «Новая Земля» в книге «откликов жизни» «Заворошка» (1913). Посвященный впечатлениям писателя о паломничестве в Болховский уезд Орловской губернии к знаменитому священнику Георгию Коссову (1855–1928), «Спас-Чекряк» продолжает поднятую М.М. Пришвиным в очерке «В законе отчете» тему апологии белого духовенства и его общественного призвания в ситуации напряженных религиозно-философских исканий в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. Выявляется духовно-мировоззренческая позиция писателя, его диалог-спор с В.В. Розановым «о сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира». Синтез «земного» и «небесного», физического и метафизического начал, организующий художественное пространство рассказа, определяет логику и онтологию пришвинского видения мира, ключом к постижению которого является идея «признания разума в религиозном деле», восходящая к духовному и практическому опыту старца Амвросия Оптинского, благословившего Егора Чекряковского на пастырское служение «в миру» и «для мира».

Ключевые слова: М.М. Пришвин, «Спас-Чекряк», Георгий Коссов, Амвросий Оптинский, русский религиозно-философский ренессанс.

Информация об авторе: Игорь Сергеевич Урюпин — доктор филологических наук, доцент, профессор, Московский педагогический

государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

E-mail: is.uryupin@mpgu.su; isuryupin78@mail.ru

Для цитирования: *Урюпин И.С.* Образ русского пастыря в рассказе М.М. Пришвина «Спас-Чекряк» // Литературное наследие Михаила Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры / ред.-сост. Е.Ю. Кнорре, А.Г. Гачева. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 167–179.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9-167-179>

THE IMAGE OF THE RUSSIAN SHEPHERD IN MIKHAIL PRISHVIN'S STORY "SPAS- CHEKRYAK"

© 2024. Igor S. Uryupin

Abstract: The article examines Mikhail Prishvin's story "Spas-Chekryak," which opens the prose cycle "New Earth" in the book of "responses to life," "Zavoroshka" (1913), in a broad historical, cultural, and religious-philosophical context. Dedicated to the writer's impressions of the pilgrimage to the Bolkhov district of the Oryol province to the famous priest Georgy Kossov (1855–1928), "Spas-Chekryak" continues the theme of apology of the white clergy and its public vocation in a situation of tense religious, and philosophical searches in Russian society at the turn of the 19th–20th centuries. The article discusses the writer's spiritual and worldview position through his dialogue and dispute with V.V. Rozanov "about the sweetest Jesus and the bitter fruits of the world." The synthesis of "earthly" and "heavenly," physical and metaphysical principles, organizing the artistic space of the story, determines the logic and ontology of Prishvin's vision of the world, the key to comprehension of which is the idea of "recognition of reason in religious affairs," tracing to the spiritual and practical experience of the elder Ambrose of Optina, who blessed Yegor Chekryakovsky for pastoral service "in the world" and "for the world."

Keywords: M.M. Prishvin, "Spas-Chekryak," Georgy Kossov, Ambrose of Optina, Russian religious and philosophical Renaissance.

Information about the author: Igor S. Uryupin, DSc in Philology, Associate Professor, Professor, Moscow Pedagogical State University, 1/1 Malaya Pirogovskaya St., 119991 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9080-9505>

E-mail: is.uryupin@mpgu.su; isuryupin78@mail.ru

For citation: Uryupin, I.S. “The Image of the Russian Shepherd in Mikhail Prishvin’s Story ‘Spas-Chekryak.’” *Literaturnoe nasledie Mikhaila Prishvina: kontekst otechestvennoi i mirovoi kul’tury* [Mikhail Prishvin’s Literary Heritage: The Context of National and World Culture], ed.-comp. Elena Yu. Knorre, Anastasia G. Gacheva. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 167–179. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0780-9-167-179>

В начале XX в., в самый напряженный в духовно-интеллектуальном отношении период поиска русской интеллигенцией ответов на корневые вопросы о смысле человеческого существования, о Боге и бессмертии, о свободе и необходимости, о сущем и должном, М.М. Пришвин, регулярно посещая заседания Религиозно-философского общества в Петербурге, тесно соприкасался с миром православного духовенства. Во всей его бытийно-бытовой сложности этот мир открылся писателю в Новгороде, куда он переехал в 1911 г. из-за трудного материального положения, ведь в Петербурге, признавался автор уже известных книг «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908), «нет возможности содержать» [Пришвин, 2007а, с. 61] семью на скудные литературные заработки. Все события новгородской жизни он записывал в дневнике под рубрикой «Богоискательство» [Пришвин, 2007b, с. 581], осмысляя факты своей духовной биографии, в том числе знакомство со священником А.П. Устьинским (1854–1922), кандидатом богословия, собеседником и другом В.В. Розанова. М.М. Пришвин тоже «дружил, пусть и недолгое время» с А.П. Устьинским и «вспоминал батюшку потом многие годы» [Дроздов, 2013а, с. 13]. Новгородский священник, пользовавшийся непререкаемым общественным авторитетом, стал главным героем рассказа «Отец Спиридон» (1917), а еще раньше был упомянут М.М. Пришвиным в очерке «В законе отчете» (1913),

в котором писатель, интерпретируя розановские взгляды на христианство, представил апологию «обмирщения белого духовенства» [Дроздов, 2013b, с. 66], освобождающего Церковь от «темного лика» и возвращающего человечеству «истинный лик Христа».

Для В.В. Розанова, абсолютизовавшего «живую жизнь» человека, органически переплавляющего духовно-космические токи небесного и стихийно-плотские импульсы земного мира, было очевидно, что «Иисус — это “Тот Свет”, поборающий “этот”, наш, и уже поборовший» [Розанов, 1994, с. 426], ведь «во Христе прогорк мир», а «все плоды земные вдруг стали горьки» [Розанов, 1994, с. 425]. Только «отшельники, конечно, знают свои сладости. Они томительно умирают, отрещиваясь от всякого мира» [Розанов, 1994, с. 425]. Однако не только «отшельники», представители черного духовенства, могут вкушать плоды «сладчайшего Иисуса». Мыслители «нового религиозного сознания» были убеждены в том, что христианство в XX в. должно идти в мир, чтобы «очистить» «истинный лик» Христа от темной патины многовековых искажений, предрассудков и вкусить наконец «сладость» евангельского учения. Но этот крест должны взять на себя самые обыкновенные, «мирские» пастыри, укорененные в недрах простого русского народа.

Примером такого пастыря для М.М. Пришвина оказался «отец Георгий из села Спас-Чекряк», «обыкновенный священник», «не монах», который «всю жизнь свою провел в миру, в обыкновенных условиях», что «лишает его обычного ореола подвижника» [Пришвин, 1982, с. 734]. А между тем скромным подвижническим трудам Георгия Алексеевича Коссова (1855–1928), настоятеля Спасо-Преображенской церкви в Болховском уезде Орловской губернии, стяжавшего славу старца при жизни и канонизированного Русской православной церковью в 2000 г. в лике священноисповедника, писатель и посвятил рассказ «Спас-Чекряк», вошедший в книгу «откликов жизни» «Заворошка», опубликованную в том же самом 1913 г., что и очерк «В законе отчет» о проблеме нравственно-этической и социальной миссии «белого духовенства» в России.

Для М.М. Пришвина, «достаточно критически настроенного по отношению к Церкви» [Варламов, с. 99], было важно обрести доверие к священству, особенно в период подъема демократического движения в недрах русской интеллигенции, пытавшейся не только «просветить» народ, но и стать для него тем духовно-идеологическим пастырем, которым на протяжении веков являлось православное духовенство. Однако авторитет представителей церкви даже в народной среде был невысок. «Спросите первого встречного крестьянина, каков у них поп, и почти всегда получите один и тот же ответ: “Грабитель!” И до того уж мы привыкли к этому, — констатировал писатель, — что и не удивляемся дикому сочетанию слов: священник — грабитель» [Пришвин, 1982, с. 732]. «За требу воздаяние, / Не брать — так нечем жить...» [Некрасов, с. 389] — сетовал поп в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877). М.М. Пришвин, задаваясь тем же некрасовским вопросом, был абсолютно убежден в том, что «живется весело, вольготно на Руси» [Пришвин, 1982, с. 732] отнюдь не попу. Всеми «ругаемый поп» стал объектом общественных насмешек и порицаний: «народ выживает попа» [Пришвин, 1982, с. 733] и не доверяет ему даже в насущных вопросах веры. Об этом с прискорбием замечал и земляк М.М. Пришвина — С.Н. Булгаков, «левит до 6-го колена» [Булгаков С.Н., с. 17], по его собственному признанию, вынужденно оставивший Орловскую духовную семинарию и перешедший в Елецкую классическую гимназию, разочаровавшись в «принудительном благочестии» [Булгаков С.Н., с. 28] как принципе церковного бытия, не имевшем ничего общего с духовно-мировоззренческими проблемами, волновавшими каждого человека.

Сыновья священников, даже получив религиозное образование, настаивал М.М. Пришвин, «все хотят сделаться ветеринарами. Они предпочитают скромнейшее место лекаря животных завиднейшему, по мнению народа, положению священника» [Пришвин, 1982, с. 733]. На эту же самую проблему указывал Н.М. Зернов, осмысливая в эмиграции феномен русского ре-

лигиозного Возрождения начала XX в., возникший в условиях и обстоятельствах глубочайшего кризиса Русской православной церкви, оказавшейся в XIX столетии в онтологическом тупике, на обочине идейно-интеллектуальной жизни российского общества: «Некоторая часть духовенства, сознавая свою культурную изолированность, хотела бы послать детей в светские школы, но не имела на это средств и была вынуждена давать им семинарское образование» [Зернов, с. 62]. «Материальные условия жизни деревенского священника были настолько неудовлетворительны, что в среде высших классов священство рассматривалось как социально унижительная профессия» [Зернов, с. 59]. М.М. Пришвин точно так же, как и Н.М. Зернов, а еще раньше и А.И. Булгаков, размышлявший об общехристианской (и православной, и католической) тенденции утраты доверия к служителям церкви (низший клир «страдалъ въ полномъ смыслѣ этого слова отъ бѣдности и произвола епархіальной власти» [Булгаков А.И., с. 12]; «слово *curé* (приходской священникъ) сдѣлалось такимъ же унижительнымъ и обиднымъ, почти позорнымъ, какъ и теперь у насъ слово *попъ*» [Булгаков А.И., с. 15], указывал на две причины «сего пагубного явления»: «первая — это материальная необеспеченность духовного лица, а вторая — дурное отношение к нему общества» [Пришвин, 1982, с. 733].

Слияние «житейского и религиозного начал» [Криволапова, с. 89], по верному замечанию Е.М. Криволаповой, для М.М. Пришвина было настолько принципиально, что весь его рассказ об «отце Георгии, или, как называет его народ, отце Егоре» [Пришвин, 1982, с. 733], на первый взгляд, кажется напрочь лишен всякого мистического и метафизического флера. Даже «молитвенный дар» [Пришвин, 1982, с. 734], которым обладал болховский священник, снискавший уважение в уезде тем, что «служит хорошо» [Пришвин, 1982, с. 734], писатель как будто бы нарочито пытался объяснить сугубо «земными», позитивистско-интеллигентскими аргументами. У отца Егора, исправно исполнявшего все установленные богослужебные правила

и даже усердствовавшего сверх меры («И не как-нибудь служит, а от девяти до часу (молебен); после молебна, тут же, не выходя из церкви, он иногда часов до семи вечера дает свои советы» [Пришвин, 1982, с. 737]), не было ни малейшего «следа юродства» [Пришвин, 1982, с. 736]. В храме не возникала гнетущая атмосфера («Ни черных ряс, ни кликуш» [Пришвин, 1982, с. 737]), что привлекало людей всех сословий, специально хотевших услышать от отца Егора «молитву терпкую» перед иконой Божией Матери («Стена неколебимая...») и проникновенную проповедь: «слова Священного писания, непонятные народу у других, здесь совершенно становятся ясными» [Пришвин, 1982, с. 737]. Батюшка не мог допустить, чтобы простые крестьяне, не сведущие в библейской премудрости, остались без религиозного врачевания, без разъяснения глубокого смысла каждого обряда и священнодействия. В момент богослужения, преисполненного чувством благоговения, «и лицо, и фигура отца Георгия» выражали величайшее духовное напряжение: лицо его становилось «сильное, почти грозное» [Пришвин, 1982, с. 737].

Однако, даже совершая таинства и воспаряя духом «в горнее», отец Егор ни на минуту не забывал «о дольнем», «похозяйски» преподнося святые дары своей пастве: «он подходит к каждому в церкви», «никого не пропустит», но и «никого два раза не помажет!» [Пришвин, 1982, с. 737]. «У простого попа», формально исполнявшего свои обязанности («раз махнул рукой, два махнул — и кончено»), было легко получить необходимые «требы», а «у отца Егора трудно» [Пришвин, 1982, с. 737], потому что приходилось прилагать духовное усилие, чтобы получить необходимый «результат».

Советы, которые он давал прихожанам, были «не какие-нибудь, а самые житейские и дельные» [Пришвин, 1982, с. 734]. «В час добрый!» [Пришвин, 1982, с. 738] — любил говорить отец Егор всем, кто обращался к нему с самыми разными проблемами, иногда, впрочем, смущая своим ответом вопрошавших. Так «женщина в сарафане с красными цветами», страдавшая от побоев мужа и заявившая вгорячах, что у нее нет больше

сил терпеть унижения («Батюшка, не за себя, за ребенка боюсь. Я уйти от него собираюсь, бросить его» [Пришвин, 1982, с. 738]), опешила, услышав от священника его излюбленную фразу «В час добрый». «В час добрый, — говорит он ей в третий раз и благословляет» [Пришвин, 1982, с. 738]. На «сотни пустяковых вопросов» отец Егор находил «всегда неизменно ласковый ответ» [Пришвин, 1982, с. 739]. «Старухе с земельным вопросом», больной женщине, сомневавшейся в возможностях официальной медицины и боявшейся операции, — всем добрый пастырь, который был «не только умным человеком и верующим», но весьма начитанным, следившим «за результатами науки» [Пришвин, 1982, с. 739], помогал решить их насущные проблемы, подчас никак не связанные с душевно-духовной сферой. С какой заинтересованностью он выспрашивал девушку-невесту, решившую просить благословение на брак, о ее женихе: «А сколько у него коров? Лошадь есть? Хорошая лошадь? А отец? Да ты его не знаешь. Узнай! Подожди. Узнай!» [Пришвин, 1982, с. 739].

Демонстративный практицизм и хозяйственность удивительно сочетались у отца Егора с какой-то наивной народной верой в силу освященных «вещей»: «бутылку из-под казенного вина, — ту самую бутылку, за которой, может быть, вчера сидел муж, выпивал и колотил жену, — теперь женщина наполняет святой водой и потом подходит с ней к отцу Егору» [Пришвин, 1982, с. 735], прося освятить «водицу». Или вот такой характерный диалог:

- Батюшка, корова скидывает.
- Вот тебе свечка.
- Курица...
- Покури ладаном [Пришвин, 1982, с. 739].

С.А. Нилус, глубоко почитавший отца Георгия Коссова, называвший его «присным советником в важные минуты жизни» [Нилус, 2005b, с. 190], в своем очерке «Отец Егор Чекряков-

ский» (1904), отмечал тот факт, что в церковной среде очень многие «предвзято-недружелюбно, даже прямо враждебно» относились к болховскому священнику, его даже «хотели “запретить” за то, что он “сбивает” простой народ, по-особенному служит, что к нему ходят гадать, что он плодит суеверия и в без того суеверном и невежественном народе» [Нилус, 2005а, с. 325]. Но вместе с тем никто не мог запретить людям открывать свои сердца благодатному пастырю, совсем не похожему на тех «народных “прозорливцев”», с которыми связывается «представление о черной рясе, о скудном, “богородном и самоозлобленном” житии» [Пришвин, 1982, с. 736]. Защищая отца Егора от нападок со стороны воинствующих ревнителей церковного благочестия, С.А. Нилус настаивал: «“Свой” он русскому человеку» [Нилус, 2005а, с. 326]. «Глас народа, — вторил С.А. Нилусу М.М. Пришвин, — есть действительно глас бога, и что уж тут никакой не может быть фальши» [Пришвин, 1982, с. 735].

Никто из крестьян ни на минуту не сомневался в том, что у отца Егора какая-то особая связь с Богом, «будто бог — совсем обыкновенный старик и живет он тут же, в селе Чекряк, под соломенной крышей» [Пришвин, 1982, с. 735]. Именно он и помогает священнику во всех его трудах. «С Богом» начинает и заканчивает отец Егор каждый свой день, обустроивая и возделывая землю, превращая ее в цветущий сад. За тридцать лет пастырского служения отца Георгия в чекряковском околотке, расположенном на границе «трех земель» — Тульской, Калужской и Орловской, произошли колоссальные изменения: поступив «в маленький, беднейший приход» «в сорока верстах от железной дороги» и начав «жизнь — почти нищего», он превратил «церковь-завалюшку», «похожую на часовню», в «великолепный каменный храм», а возле храма построил «трехэтажное здание приюта для крестьянских детей и небольшую больницу», а «недалеко от села — еще одно прекрасное здание — школу для подготовки сельских учителей» [Пришвин, 1982, с. 734]. Да и сам отец Егор живет «не в лачуге, как раньше, а в хорошем

доме с большими светлыми окнами» [Пришвин, 1982, с. 734]. Он не только «живет хорошо, умеет жить» [Пришвин, 1982, с. 734], но и заботится о своей пастве, помогает найти работу и обеспечить достойное существование, а потому «никому из народа, однако, и в голову не придет попрекнуть батюшку его благоустроенной личной жизнью» [Пришвин, 1982, с. 734]. «Слава мудрого хозяйственного духовного наставника» [Жиров, с. 114] распространилась далеко за пределы Болховского уезда. В брошюре «Светлый и отрадный уголок в глуши России», изданной в ливенской типографии А.И. Мишиной в 1909 г., одна из паломниц, восхищаясь «русским крестьянским Приютом», созданным отцом Георгием Коссовым, замечала: «Видя и зная все это, самый неверующий невольно уверует в Бога и Его помощь на все доброе» [Тюрин, с. 213].

Жизнь «в миру», «на виду» (писатель неоднократно подчеркивает, что «дело отца Георгия все на виду» [Пришвин, 1982, с. 734]) налагала на священника особую ответственность, подобную той, о которой в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1878–1880) говорил старец Зосима, благословляя Алешу «пребывать в миру» [Достоевский, с. 328], где «дела много будет» [Достоевский, с. 71]: «Работай, неустанно работай» [Достоевский, с. 72]. Отец Егор, исполняя этот завет оптинского старца, а к отцу Амвросию «как главному прообразу Зосимы» [Святославский, с. 29] он «имел прямое отношение» («от него он получил благословение и поставление жить в глухом селе Чекряк» [Пришвин, 1982, с. 734]), ни дня не провел в праздности и поистине всю жизнь «неустанно работал». А потому, по замечанию М.М. Пришвина, пользовался «почти такой же известностью, как некогда старец отец Амвросий» [Пришвин, 1982, с. 733]. С.А. Нилус был убежден в том, что отец Егор Чекряковский был не только «непосредственным преемником по благодати о. Амвросия» [Нилус, 2005а, с. 325], но и продолжателем его идей и дел. М.М. Пришвин усматривал преемственность оптинского старца и чекряковского священника прежде всего в духовно-социальном служении «миру».

«Живая черта», которая связывала Шамардинскую пустынь, «устроенную оптинским старцем Амвросием» [Пришвин, 1982, с. 740] по подобию раннехристианских коммун, с Чекряковским приютом (а по сути «не-монастырской» обителью или «монастырем в миру»), состояла «в признании разума в религиозном деле» [Пришвин, 1982, с. 740]. М.М. Пришвину, еще не преодолевшему в предреволюционные годы соблазны рационализма и позитивизма, весьма импонировала духовная трезвость Амвросия Оптинского, не отвергавшего разум как путь богопознания. В своих письмах духовным чадам отец Амвросий очень часто приводил слова апостола Павла к Тимофею о том, что Господь приведет человека «в разум истины» (1 Тим. 2:4) [Собрание, с. 93]. «Разуму научи мя, — зывал к Богу старец, — то есть разуму истинному и правильному» [Собрание, с. 369]. Но что такое «истинный разум», «благой разум духовный» [Собрание, с. 364], — вопрошал Амвросий Оптинский. — Это «не кое-какой, а дельный, основательный» [Собрание, 377] разум, который позволяет человеку крепко стоять *на земле* и видеть перед собой перспективу — путь *на небо*, в «вечное наше спасение» [Собрание, с. 369].

Вера в разум отнюдь не противоречила духовным устремлениям старца, к которому при его жизни и после нее тянулись и тянутся русские искатели истины. «Вероятно, это-то и сделало то, — резюмировал М.М. Пришвин, — что, как кто-то выразился, золото отца Амвросия от прикосновения к нему великих наших писателей, великих скептиков, не почернело» [Пришвин, 1982, с. 740]. Этот «кто-то», чьи слова М.М. Пришвин передает по памяти, был В.В. Розанов, который в очерке «Оптина Пустынь» (1903), размышляя о феномене отца Амвросия, писал: «Золото прошло через огонь скептицизма и не потускнело» [Розанов, 1995, с. 299]. Не потускнел и подвиг отца Георгия Коссова, который, продолжая традиции отца Амвросия Оптинского стяжать духовные сокровища «в миру» и «для мира», стал для М.М. Пришвина духовным ориентиром и идеалом русского пастыря.

Список литературы

Источники

Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел: Изд-во Орловской гос. телерадиовещательной компании, 1998. 476 с.

Булгаков А.И. Французское духовенство в конце XVIII в. (в период революции) // Труды Киевской духовной академии. 1905. № 5. С. 10–28.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14: Братья Карамазовы. Кн. I–X. 512 с.

Зернов Н.М. Русское религиозное Возрождение XX века. Париж: YMCA-Press, 1974. 382 с.

Некрасов Н.А. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1987. 607 с.

Нилус С.А. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Великое в малом. Записки православного. М.: Паломник, 2005. 800 с.

Нилус С.А. Полн. собр. соч.: в 6 т. М.: О-во святителя Василия Великого, 2005. Т. 6: Произведения разных лет. Материалы к жизнеописанию Сергея Нилуса. 592 с.

Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917 / подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. СПб.: Росток, 2007. 608 с.

Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905–1913 / подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; коммент. Я.З. Гришиной; указат. имен Т.Н. Бедняковой. СПб.: Росток, 2007. 800 с.

Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1: Произведения 1906–1914. 830 с.

Розанов В.В. Собр. соч. М.: Республика, 1994. Т. 3: В темных религиозных лучах. 476 с.

Розанов В.В. Собр. соч. М.: Республика, 1995. Т. 5: Около церковных стен. 558 с.

Собрание писем Оптинского старца Амвросия. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной Пустынь, 2012. 768 с.

Исследования

Варламов А.Н. Жизнь как творчество в Дневнике и художественной прозе М.М. Пришвина: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 424 с.

Дроздов М.С., Крылова-Устьинская Н.С. Друг Пришвина — священник Устьинский // Михаил Михайлович Пришвин и Ярославский край: сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции. Ярославль: Канцлер, 2013. С. 13–23.

Дроздов М.С., Крылова-Устьинская Н.С. Кто вы, «отец Спиридон»? (М.М. Пришвин и А.П. Устьинский) // М.М. Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. С. 64–75.

Жиров Н.А. Взаимодействие приходского духовенства и крестьянства Орловской губернии в конце XIX – начале XX в. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XIV Международной научной конференции. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2015. Ч. 1. С. 111–116.

Криволапова Е.М. Дневник и художественные произведения М. Пришвина как единый текст // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2. С. 86–91.

Святославский А.В., Чернышева Е.Г. Ф.М. Достоевский и Оптиная пустынь: К дискуссии вокруг образа старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы» // Русская словесность. 2021. № 5. С. 26–40.

Тюрин Г.А. История детского приюта священноисповедника протоиерея Георгия Коссова (новые архивные материалы) // Семнадцать Дамиановские чтения: Русская православная церковь и общество в истории России и Курского края: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. академии, 2020. С. 212–219.